

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

© 2015 г. Галина Николаевна Ветрова¹

Аннотация: статья посвящена дифференциации процедур досудебного производства. В ней рассматривается развитие законодательства об упрощённых формах досудебного производства по УПК РСФСР и УПК РФ, определяются общие критерии возможной дифференциации процедур на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности. С учётом выявленных критериев анализируется процедура “дознание в сокращённой форме”, предусмотренная гл. 32¹ УПК РФ. Особое внимание уделено режиму доказывания при производстве дознания в сокращённой форме. Исследуется вопрос о соответствии данной процедуры общим принципам уголовного процесса, а также, в какой мере данная форма дознания обеспечивает решение задач досудебного производства и соблюдение прав лиц, подвергаемых уголовному преследованию.

Annotation: the article is devoted to differentiation of pre-trial procedures. The author deals with the legislation development on summary (simplified) pre-trial procedures due to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. She determines also the possible criteria for differentiation of proceedings according to this procedural stage. Following the pointed criteria, the author analyzes the procedure of “simplified inquiry”, stated by the Chapter 32¹ of the Code of Criminal Procedure of the RF. She gives special consideration to standards of proof under simplified inquiry procedure. The author pays attention to the issue, whether this summary procedure corresponds to general principles of criminal procedure, or not. She reveals the matter of the extent, to which this form of inquiry can serve to comply with tasks of pre-trial proceeding and rights of persons under criminal prosecution.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовно-процессуальная форма, дознание, дознание в сокращённой форме, предварительное расследование, возбуждение уголовного дела, следственные действия, уголовное преследование, сбор доказательств, доказывание.

Key words: pre-trial procedures, forms of criminal procedure, inquiry, simplified inquiry, preliminary (pre-trial) investigation, initiation of criminal proceeding, investigative activities, criminal prosecution, standards of proof.

Постановка проблемы. Уголовно-процессуальное законодательство России развивается в направлении дифференциации уголовно-процессуальной формы в сторону расширения возможностей применения упрощённого порядка при производстве по уголовным делам, что соответствует и мировым тенденциям².

Социальная направленность уголовно-процессуальной формы выражена в задачах уголовного судопроизводства, как они сформулированы в ст. 6 УПК РФ. Определяя в качестве доминанты процессуальной деятельности охрану прав личности (ч. 1 ст. 6 УПК), законодатель тем самым придал особое значение процессуальным гарантиям, обеспечивающим достижение его целей.

Это тот самый охранительный механизм уголовно-процессуальной формы, который должен быть надёжным и при наличии различных форм досудебного и судебного производства.

Современный этап судебной реформы отмечен внедрением новых процессуальных форм при производстве по уголовным делам, в том числе и форм ускоренного производства. К особому порядку принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) добавлены особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40¹ УПК РФ) и дознание в сокращённой форме (гл. 32¹ УПК РФ). Упрощённые процедуры уголовного судопроизводства предусматривались законодательством и в прежние времена: порядок дежурной камеры, судебный приказ (УПК РСФСР 1923 г.), протокольная форма досудебной подготовки материалов (УПК РСФСР 1960 г.). Соответственно, и полемика по вопросу введения в

¹ Доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: galina.vetrova@mail.ru).

² См.: Рекомендация № 6 R (87) 18 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно упрощения уголовного правосудия от 17 сентября 1987 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

уголовное судопроизводство упрощённых процедур³ никогда не сходил с повестки дня⁴.

В постоянных изменениях законодательства в разные периоды его развития проявилось стремление к решению двуединой задачи: выстроить эффективную, экономичную, в достаточной степени скорую процедуру досудебного производства и при этом гарантировать права личности в соответствии с принятыми правовыми стандартами и признаваемыми социальными ценностями.

Нельзя не признать, что быстрота расследования имеет значение с точки зрения обеспечения не только его эффективности (с течением времени устанавливать обстоятельства прошлого с несомненной достоверностью сложнее, сокращается информационная база для принятия решений), но и законных интересов участников процесса. Презумпция невиновности как принцип процесса требует установления предельных сроков, в течение которых лицо, подвергнутое уголовному преследованию, до рассмотрения дела судом испытывает разного рода ограничения, в том числе и личной свободы. Рассмотрение разных форм досудебного производства, предусмотренных как современным, так и ранее действовавшим законодательством, позволяет определить, какие условия должны соблюдаться, чтобы новые процессуальные формы соответствовали общим принципам, которые реализуются в системе уголовной юстиции. В данной сфере «социально значимым является не только результат разрешения уголовно-правового конфликта, ... но и процедура его разрешения»⁵.

³ Термин «упрощённое производство» достаточно широко распространён в юридической литературе, посвящённой дифференциации уголовно-процессуальной формы. Он «прижился» в литературе, поскольку отражал правовую реальность: так именовали процедуры, отличие которых от ординарного порядка заключалось в отступлении от некоторых правил, направленных на обеспечение прав участников процесса. Наряду с ним используют термины «ускоренное производство», «суммарное производство», как правило, для обозначения таких производств, которые предлагают отказ от ряда процессуальных действий, свойственных обычному, ординарному порядку.

⁴ В 70-е годы прошлого века на страницах юридических журналов была развёрнута дискуссия о единстве и дифференциации уголовно-процессуальной формы. Подробнее об этом см.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 31–37; Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 68–130; Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 68–85.

⁵ Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Гос. и право. 2005. № 5. С. 111–114. См. также: Луцкая П.А. Высокое политическое значение уголовного судопроизводства // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). 2008. № 2. С. 283 – 287.

Дознание и предварительное следствие по УПК РСФСР 1960 г. В УПК РСФСР 1960 г. на момент его принятия была отражена идея единства процессуальной формы, что в определённой мере подтверждалось и законодательной формулировкой ч. 4 ст.1 УПК РСФСР⁶. Объяснялось это необходимостью сохранения одинакового уровня гарантий, который также обеспечивался полнокровным судебным разбирательством по всем уголовным делам⁷.

Предварительное расследование осуществлялось в двух процессуальных формах: предварительного следствия и дознания. При этом УПК РСФСР в целом сохранил верность концепции единства процессуальной формы. Порядок производства следственных действий и принятия процессуальных решений был одинаков и для дознания, и для следствия. Отличие дознания от предварительного следствия заключалось в многом: во-первых, устанавливался более короткий срок расследования, который мог, однако, неоднократно продлеваться (ст. 121 УПК РСФСР); во-вторых, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители не обладали правом знакомиться с материалами дела по окончании дознания; в-третьих, дознаватель не был наделён той степенью процессуальной самостоятельности, что следователь, в решении вопросов, перечисленных в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР. Кроме того, до изменений, внесённых в ст. 120 УПК РСФСР Законом РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 23 мая 1992 г.⁸, защитник не участвовал при производстве дознания. Он до-

⁶ «Установленный уголовно-процессуальными законами порядок судопроизводства является единым и обязательным по всем уголовным делам и для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания». Однако данное положение закона в ходе дискуссии о единстве и дифференциации процессуальной формы получало разное толкование в зависимости от точки зрения участников спора (см., например: Якуб М.Л. Указ. соч. С. 80; Элькин П.С. Указ. соч. С. 68, 69).

⁷ Отдельные особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних, а также о применении принудительных мер медицинского характера вряд ли дают основание считать эти производства выражением дифференциации процессуальной формы, «если исходить из понимания дифференциации уголовно-процессуальных форм как существования **качественных** (выделено мною. – Г.В.) отличий в процедуре соответствующего вида производства» (см.: Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм. Саратов, 2003. С. 53, 102).

⁸ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 25. Ст. 1389.

пускался к участию в деле лишь после предания обвиняемого суду.

До принятия указанного Закона участие защитника было ограничено и при производстве предварительного следствия. По общему правилу, он допускался к участию в деле лишь с момента окончания предварительного следствия и предъявления обвиняемому материалов дела для ознакомления. По постановлению прокурора, а также по делам о преступлениях несовершеннолетних, лиц с физическими и психическими недостатками, которые в силу этого не могли сами осуществлять своё право на защиту, защитник допускался с момента предъявления обвинения (ст. 47 УПК РСФСР). Вот это различие форм расследования, которое касалось действия принципа обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту, особенно вызывало возражения⁹. Оно было устранено Законом РФ от 23 мая 1992 г. Но другие отличия в процедуре дознания по сравнению со следствием снижали уровень процессуальных гарантий, что давало основание для критики соответствующих норм закона. В юридической литературе были высказаны предложения отказаться от дознания как самостоятельной формы расследования и определить единую по всем уголовным делам процедуру расследования в форме предварительного следствия и тем самым обеспечить одинаковый уровень процессуальных гарантий при расследовании дел о любых преступлениях¹⁰.

По сути, отличие дознания как самостоятельной формы расследования от предварительного следствия по УПК РСФСР (в ред. 1992 г.) не было столь существенным, чтобы быть примером дифференциации досудебного производства. Оно не затрагивало порядка сбора доказательств, виды и процедуру вынесения процессуальных решений. В основе обеих форм расследования лежали одни и те же начала.

Протокольная форма досудебной подготовки материалов и её развитие. Введённый в УПК РСФСР в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1966 г. раздел о протокольной форме досудебной подготовки материалов содержал качественные отличия от

имевшихся процедур расследования¹¹. Это была упрощённая процедура досудебного производства по делам о хулиганстве, предусмотренном ч. 1 ст. 206 УК РСФСР. За данное преступление лицу грозили наказание в виде лишения свободы до года, или исправительные работы на тот же срок, или штраф до 200 руб.

Новая процедура досудебного производства существенно отличалась от дознания и следствия тем, что не проводились следственные действия по сбору доказательств. Исключение составлял осмотр места происшествия. Согласно действовавшему в тот период законодательству (ст. 415 УПК РСФСР в ред. 1966 г.) обстоятельства преступления устанавливались в 5-дневный срок путём получения объяснений от правонарушителя, пострадавшего, очевидцев; истребования различных справок, характеристик, иных документов, необходимых для рассмотрения дела в суде. Лицо, совершившее хулиганские действия, подлежало задержанию в соответствии с общим порядком, установленным ст. 122 УПК РСФСР. Затем, как правило, в отношении него избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, и задержание, и заключение под стражу применялись до возбуждения уголовного дела, последнее относилось к компетенции суда (ст. 419 УПК РСФСР).

Итоговым документом данной процедуры досудебного производства был протокол, в котором излагались все обстоятельства совершения преступления и сведения о личности правонарушителя. После утверждения протокола начальником органа дознания все материалы предъявлялись правонарушителю для ознакомления. Участия защитника на этом этапе не предусматривалось.

Без сомнения, можно считать, что дополнение УПК РСФСР новой процедурой досудебного производства имело ярко прочерченную репрессивную направленность. Избрание по общему правилу до возбуждения дела судом меры пресечения в виде заключения под стражу также по общему правилу влекло наказание в виде лишения свободы¹². Впоследствии протокольная форма досудеб-

⁹ См., например: Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 31; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. II. М., 1970. С. 37.

¹⁰ См.: Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. С. 148; Элькин П.С. Указ. соч. С. 70; Уголовный процесс. Учеб. / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2001. С. 241 (автор соответствующей главы – Б.Т. Безлепкин).

¹¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об усилении ответственности за хулиганство” от 21 июля 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 595.

¹² Так, в Комментариях к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР применительно к ст. 414 Кодекса было написано: “Изъятия из общих правил, предусмотренные для производства по делам о хулиганстве, направлены на обеспечение рассмотрения этих дел судом как можно быстрее после совершения преступления, что повышает эффективность судебной репрессии” (см.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. А.К. Орлов. М., 1976. С. 612).

ного производства была распространена на дела о мелком хищении государственного или общественного имущества¹³, а согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР “О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР” от 24 января 1985 г.¹⁴ круг дел, по которым устанавливался такой порядок досудебного производства, был ещё более расширен. Вместе с тем изменялась и сама процедура подготовки материалов в протокольной форме в сторону повышения гарантий прав личности. Был увеличен до 10 суток срок подготовки материалов, исключена возможность применения мер принуждения: задержания и мер пресечения¹⁵. У правонарушителя отбиралось лишь обязательство являться по вызовам органов дознания и суда и сообщать о перемене места жительства.

Досудебное производство в протокольной форме (в ред. УПК РСФСР от 24 января 1985 г.) допускало возможность отказа от уголовного преследования, и в качестве альтернативы ему предусматривалось применение мер общественного воздействия. Начальник органа дознания при получении материалов производства в каждом случае должен был рассматривать вопрос о возможности применения мер общественного воздействия. И лишь при невозможности их применения он утверждал протокол (ч. 4–6 ст. 415 УПК РСФСР).

Решение должностного лица о невозможности применить меру общественного воздействия и необходимости продолжить уголовное преследование не фиксировалось в процессуальном акте, а потому не были ясны основание и мотивы такого решения. Однако сама возможность отказаться от уголовного преследования по делам о преступлениях небольшой тяжести, не представляющих большой общественной опасности, снижала потенциал репрессии механизма уголовно-процессуального регулирования и направляла его в правоохранительное русло.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда был изменён порядок направления в суд материалов досудебного производства в

протокольной форме¹⁶. Согласно новой редакции Закона возбуждение уголовного дела и формулирование обвинения были возложены на начальника органа дознания¹⁷.

В научной юридической литературе протокольная форма досудебной подготовки материалов оценивалась неоднозначно. Она подвергалась критике по следующим основаниям: не содержит надлежащих гарантий всесторонности, полноты и объективности при установлении обстоятельств совершённого преступления; не обеспечивает прав лиц, как пострадавших от преступления, так и правонарушителя¹⁸. Однако идея упрощённого досудебного производства, реализованная в процедуре протокольной формы досудебной подготовки материалов, имела немало сторонников¹⁹. И отказ от неё в новом уголовно-процессуальном законодательстве признавался неоправданным²⁰.

Следует отметить, что развитие законодательства о протокольной форме подготовки материалов шло в направлении совершенствования этой процедуры: была исключена возможность применения принуждения (задержания и избрания мер пресечения не допускалось); из следственных действий проводился только осмотр места происшествия; возбуждение дела и формулирование обвинения возлагались на орган дознания. Таким образом, в ходе судебной реформы процедура протокольного производства приобрела приемлемый характер с точки зрения соответствия основным принципам процесса. Вместе с тем недостаточно урегулированным оставался вопрос с опреде-

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края” от 28 ноября 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

¹⁷ См.: Федеральный закон “О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР” от 15 ноября 1997 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

¹⁸ См.: Петрухин И.Л. Об упрощённой (протокольной) форме расследования преступлений // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 50–62.

¹⁹ См.: Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Избр. тр. СПб., 2011. С. 206–258; Лопь С.Л. Протокольное производство в уголовном процессе. Томск, 1996.

²⁰ См.: Москалькова Т.Н. Органы дознания // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой принятию нового Уголовно-процессуального кодекса. М., 2002. С. 137; Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства по новому УПК России // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей / Под ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2002. С. 25; Григорьев Д.А. Ускоренная форма досудебного производства по уголовному делу и права человека // Мировой судья. 2011. № 6. С. 11, 12.

лением правового статуса участников: правонарушителя и пострадавшего. Значимым в данной процедуре было то, что собрание сведений об обстоятельствах совершения преступления, не обладающего высокой степенью общественной опасности, осуществлялось без производства следственных действий, которые могли сопровождаться принуждением. При необходимости их производства по этим делам проводилось расследование в обычном порядке собирания доказательств.

Основные условия (критерии) дифференциации процессуальной формы в досудебном производстве. В настоящее время вопрос не ставится в альтернативной формулировке: единство или дифференциация уголовно-процессуальной формы. И теорией, и практикой законодательного регулирования признана социальная необходимость дифференциации процедур как досудебного, так и судебного производства. Задача состоит в том, чтобы определить не направление (упрощение или усложнение формы), а содержание дифференциации, т.е. систему процессуальных действий, правоотношений, решений, в совокупности обуславливающих характерные особенности того или иного порядка судопроизводства на соответствующем этапе процессуальной деятельности. «Дифференциация форм любого процессуального производства осуществляется путём различного “наполнения” процедуры деятельности на тех стадиях, которые его составляют»²¹.

Принципиальным является вопрос о самой возможности упрощённых процедур досудебного производства. При положительном ответе одна из ключевых проблем заключается в правовой характеристике деяний, в отношении которых можно допустить упрощённый порядок досудебного производства. Другая проблема состоит в том, чтобы независимо от формы производства обеспечить решение задач досудебного этапа процессуальной деятельности. И наконец, поскольку все деяния, перечисленные в УК РФ, являются преступлениями, влекущими применение мер уголовной ответственности, то и процедуры уголовного судопроизводства во всех случаях должны предоставлять надлежащую систему гарантий от необоснованного уголовного преследования, а также от безосновательного ограничения прав граждан в связи с производством по уголовному делу.

Дифференциация составов преступлений в целях поиска возможностей для дифференци-

ации процедур расследования представляется непростой задачей. Есть серьёзные основания сомневаться в том, что здесь можно формально использовать предлагаемое уголовным законодательством деление преступлений: небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие (ч. 1 ст. 15 УК РФ). Процесс установления обстоятельств совершения преступления не находится в прямой зависимости от уголовно-правового критерия, лежащего в основе законодательной классификации деяний. Поэтому следует принимать во внимание также криминалистическую характеристику преступлений²² как дополнительное уголовно-процессуальное основание дифференциации²³.

Можно сформулировать некоторые базовые принципы, которым должно соответствовать правовое регулирование упрощённых (ускоренных) производств независимо от того, о досудебном или судебном производствах идёт речь. Введение таких процедур, во-первых, должно сопровождаться определённым набором гарантий, позволяющих находиться в русле демократических принципов процесса, которые закреплены в гл. 2 УПК РФ. Во-вторых, необходим контрольный механизм, обеспечивающий предотвращение и исправление ошибок в процессуальной деятельности. В Законе должны быть также сформулированы конкретные условия для “запуска” упрощённых процедур, которые минимизировали бы социальные риски уголовного преследования без достаточных оснований. Помимо этого соответствующими правилами должна предусматриваться возможность вернуться на путь полнокровной процессуальной деятельности как по волеизъявлению заинтересованных участников процесса, так и по усмотрению должностных лиц.

Реализация идей дифференциации досудебного производства в УПК РФ. К моменту принятия УПК РФ (2001 г.) дифференциация досудебного производства была выражена наличием двух процедур: расследования и протокольной формы досудебной подготовки материалов. Последняя являлась примером упрощённого (ускоренного) производства. Что касается расследования,

²² Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой сумму элементов, характеризующих отдельные виды преступлений: способы, условия и особенности обстановки совершения преступления, особенности непосредственного объекта посягательства и т.п. На её основе вырабатываются методики расследования отдельных видов преступлений (см.: *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. Т. III. Криминалистические средства, приёмы и рекомендации. М., 1979. С. 183–192).

²³ См. об этом также: *Якимович Ю.К.* Избр. тр. СПб., 2011. С. 177–189.

²¹ *Манова Н.С.* Указ. соч. С. 94.

которое осуществлялось в форме дознания и предварительного следствия, то отсутствие существенных отличий в порядке их производства по УПК РСФСР не давало оснований считать их дифференцированными формами досудебного производства. С принятием нового УПК РФ идея дифференциации досудебного производства реализовалась в законодательстве отказом от протокольной формы досудебного производства, но при этом принципиальным разграничением дознания и следствия.

Регламентация дознания в УПК РФ в редакции 2001 г. в определённой мере была напоминанием о протокольной форме досудебной подготовки материалов: краткие сроки расследования (15 дней с возможностью продления не более чем на 10 дней); возбуждение дела в отношении конкретных лиц, что не предполагало проработки многих версий в ходе расследования. Отсюда и краткость сроков, которые с введением в действие УПК РФ были оценены как нереальные²⁴.

Общим при производстве дознания и предварительного следствия является порядок совершения следственных действий, что означает и одинаковые требования к процессу доказывания. Однако правовой статус лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, различается в зависимости от формы расследования.

При производстве дознания лицо пребывает в статусе подозреваемого до окончания расследования, а обвиняемым становится после составления итогового процессуального решения – обвинительного акта. Если принять во внимание юридические факты, с которыми закон ранее связывал появление подозреваемого в уголовном деле (возбуждение уголовного дела, задержание, применение меры пресечения)²⁵, то получалось, что до окончания расследования лицо не знало всех обстоятельств уголовного дела, которые будут ему инкриминированы. Кроме того, первоначальная редакция ч. 2 ст. 225 УПК РФ об ознакомлении участников процесса с материалами дела по окончании дознания не указывала обвинительный акт.

Вероятно, предполагалось, что поскольку это – итоговый документ расследования, аналогичный обвинительному заключению, то он должен составляться после ознакомления участников процесса с материалами дела. При такой регламентации дознания лицу, подвергнутому уголовному преследованию, до вручения ему копии обвинительного акта не была известна точная формулировка обвинения, которое будет предметом судебного разбирательства. Позднее редакция ч. 2 ст. 225 УПК РФ была дополнена указанием на обвинительный акт, который необходимо по окончании дознания предъявлять обвиняемому, его защитнику для ознакомления наряду с материалами дела²⁶. Но и в этом случае обвиняемый не имел возможности в рамках расследования выразить своё отношение к обвинению и доказательствам, на которых оно основано.

Нормативная регламентация прав обвиняемого и подозреваемого по защите от уголовного преследования совпадает, если иметь в виду собственно перечень прав, поскольку их основой служит презумпция невиновности. Однако практическая реализация права на защиту указанными субъектами может существенно различаться. Так, для реальной защиты от уголовного преследования лицу важно знать конкретное содержание обвинения или подозрения. Но если в основе вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого лежит совокупность проверенных и оцененных доказательств, то основа подозрения в сравнении с обвинением имеет иную информационную базу. На это указывают основания решений, с принятием которых Закон связывает появление фигуры подозреваемого в уголовном процессе (к примеру, постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об избрании меры пресечения).

Дальнейшее развитие законодательства отмечено расширением круга преступлений, расследование которых возможно в форме дознания, устранением такого ограничения для производства дознания, как наличие заподозренного лица на момент возбуждения уголовного дела. В случае возбуждения уголовного дела по факту предусматривались составление и вручение лицу уведомления о подозрении (ст. 223¹ УПК РФ)²⁷.

²⁴ См., например: *Москалькова Т.Н.* Указ. соч. С. 138; *Химичева Г.П.* Некоторые проблемы регламентации дознания по УПК Российской Федерации // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой принятию нового Уголовно-процессуального кодекса. М., 2002. С. 142.

²⁵ Федеральный закон “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” от 6 июня 2007 г. расширил круг лиц, которые признаются подозреваемыми при производстве по уголовному делу. Таковым признаётся лицо, которое в порядке, предусмотренном ст. 223¹ УПК РФ, уведомлено о подозрении в совершении преступления // СПС “КонсультантПлюс”.

²⁶ См.: Федеральный закон “О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” от 29 мая 2002 г. // Там же.

²⁷ См.: Федеральный закон “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” от 6 июня 2007 г. // Там же.

Форма и содержание данного процессуального акта аналогичны форме и содержанию постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 2 ст. 171 УПК РФ). Но соответствующие статьи Кодекса по-разному формулируют основание названных процессуальных решений. В одном случае это – наличие достаточных доказательств (ч. 1 ст. 171 УПК), а в другом – наличие достаточных данных (ч. 1 ст. 223¹ УПК). Означает ли это, что различна информационная база вынесения этих решений? Значит ли это, что во втором случае законодатель менее строг и что в основе уведомления о подозрении может лежать информация, полученная непроцессуальным путём? Если нет, то к чему терминологическое различие?

Конструкция дознания как формы расследования по УПК РСФСР предусматривала вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и составление обвинительного заключения. Таким образом определялся общий режим доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, для дознания и для следствия, следовательно, и одинаковые требования к обоснованию выводов в процессуальных актах. На это указывало терминологическое единство в правовом регулировании.

Действующее законодательство предусматривает появление обвиняемого лишь по окончании дознания, что свидетельствует о том, что прочная доказательственная база обвинения по версии органа, осуществляющего уголовное преследование, выстраивается именно к этому моменту процессуальной деятельности. Тогда возникают вопросы о содержании основания уведомления о подозрении и о том, как соотносятся основание подозрения и основание обвинения. Может ли каким-либо образом квалификация инкриминируемого лицу деяния в уведомлении о подозрении отличаться от квалификации, содержащейся в обвинительном акте? В УПК РФ не предусмотрено вынесения нового уведомления о подозрении.

Предметом допроса подозреваемого является существо выдвинутого подозрения. Закон требует (ч. 2 ст. 14 УПК РФ), чтобы доводы подозреваемого в свою защиту были проверены и либо обоснованно отвергнуты, либо в случае сомнения истолкованы в его пользу. Поэтому возможность изменения квалификации преступного деяния, в совершении которого подозревается лицо, должна быть предусмотрена. Думается, не будет противоречить Закону вынесение нового уведомления о подозрении, если в ходе дознания будут установлены новые обстоятельства, которые потребуют изменения квалификации содеянного. Отсутствие

в Законе упоминания об этом не лучшим образом ориентирует практику, не обеспечивает на уровне законодательного регулирования условий для полного, всестороннего и объективного расследования.

Результатом многочисленных изменений процедуры дознания как самостоятельной формы расследования стало сближение его со следствием. Сблизились оно и по срокам, которые при продлении могут быть очень длительными.

Разные субъекты деятельности и разные полномочия прокурора по надзору за дознанием и надзору за предварительным следствием, а также отличающиеся больше по названию, чем по основанию принятия, процессуальные акты не являются убедительным доводом для признания дознания, как оно регламентировано в гл. 32 УПК РФ, примером серьёзной дифференциации процессуальной формы досудебного производства. Мы имеем лишь внешнее указание на дифференциацию процедур. При этом существующие отличия не обусловлены задачами расследования.

Идею дифференциации форм досудебного производства, выраженную в первоначальной редакции указанной главы, не удалось сохранить при последующих изменениях законодательства. И, может быть, потому, что сама идея дифференциации форм расследования ставит трудноразрешимую задачу: при упрощённых процедурах обеспечить достижение цели достоверно установить обстоятельства совершения преступления при сохранении высокого уровня гарантий прав участников процесса. Сложность вопроса заключается в том, что невозможно упростить процедуру расследования на досудебном этапе, не пожертвовав принципиальными положениями, которые в итоге являются гарантиями справедливого правосудия. Не случайно две формы расследования: дознание и следствие – не имеют принципиальных отличий в характере и содержании деятельности. Различия по субъектам, срокам и формам контроля не касаются существа процессуальной деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств. Действительным примером дифференциации досудебного производства явилась процедура дознания в сокращённой форме, введённая Федеральным законом от 4 марта 2013 г.²⁸

²⁸ См.: Федеральный закон “О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” от 4 марта 2013 г. // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

Дознание в сокращённой форме. Анализ данного порядка расследования позволяет понять, что приносится в “жертву” при конструировании “желаемых” для практики расследования процедур²⁹.

Дознание в сокращённой форме, предусмотренное гл. 32¹ УПК РФ, представляет собой упрощённую форму расследования по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести³⁰. В основе правового регулирования данной формы дознания лежит идея о том, что если лицо, в отношении которого возбуждается уголовное преследование, не оспаривает определённых фактов и обстоятельств, то нет необходимости в дополнительной деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, по проверке этих фактов. Досудебное производство в такой процедуре основывается на согласии подозреваемого с основанием уголовного преследования, выраженным в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Чтобы оценить законодательные положения гл. 32-1 УПК РФ, следует обратиться к системному анализу уголовного судопроизводства, его структуре, взаимосвязи всех этапов процессуальной деятельности, как это установлено правовыми нормами.

Задачи досудебного производства независимо от процессуальной формы, в которой оно осуществляется, одинаковы. В ч. 2 ст. 21 УПК РФ выражен принцип публичности уголовного процесса, обязывающий должностных лиц и государственные органы: прокурора, следователя, дознавателя, орган дознания, – в каждом случае обнаружения признаков преступления принять меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, т.е. все обстоятельства совершения преступления, вина лица, его совершившего, должны

быть доказаны должностными лицами и государственными органами, на которых возложено выполнение функции публичного уголовного преследования. Результатом этой деятельности должно стать либо обоснованное обвинение лица в совершении преступления, которое будет проверено и оценено судом в ходе состязательного судебного производства, либо прекращение уголовного преследования.

Исторически сложившаяся система российского уголовного процесса такова, что в суд поступают результаты доказательственной деятельности органов расследования. Строгие требования, которые закон предъявляет к доказательственной информации, позволяют снизить риски необоснованного уголовного преследования. И принятый в 2001 г. УПК РФ сохранил преемственность с ранее действовавшим законодательством в вопросе признания досудебного производства (стадий возбуждения уголовного дела и расследования) процессуальной деятельностью. Соответственно, и на этом этапе должны действовать принципы процесса, нормативно сформулированные в гл. 2 УПК РФ, в том числе принципы, определяющие основные черты доказательственной деятельности. При этом учитывается взаимосвязь этапов процессуальной деятельности, когда каждый последующий этап имеет контрольный механизм для выявления и устранения процессуальных ошибок, для снижения рисков ошибочных процессуальных решений. Следовательно, упрощение процедуры на отдельном этапе уголовного судопроизводства, что всегда связано с определёнными социальными рисками вследствие снижения уровня процессуальных гарантий, должно сопровождаться соответствующим правовым механизмом, компенсирующим снижение уровня гарантий от необоснованного уголовного преследования. Тем самым создавалась бы сбалансированная система, в целом способная обеспечить решение задач уголовного судопроизводства и отвечающая социальным ожиданиям общества в справедливом правосудии.

Новая форма дознания ещё на уровне предложений была встречена резко критически³¹, хотя нашла и немало сторонников, отмечавших лишь отдельные недостатки в правовом регулировании данной процедуры. Каким же образом новый порядок дознания встраивается в существующую

²⁹ Предложения о необходимости упрощённых (ускоренных) процедур расследования подкрепляются ссылками на данные опросов практических работников соответствующих ведомств (см., например: Григорьев Д.А. Ускоренная форма досудебного производства по уголовному делу и права человека // Мировой судья. 2011. № 6. С. 10–12).

³⁰ Само название формы расследования “дознание в сокращённой форме” не связано с идеей сроков. В этой процедуре воплотилась идея упрощения процесса доказывания в тех случаях, когда лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, признаёт свою вину в совершении преступления. Термин “сокращённое дознание” использовался И.Д. Перловым для характеристики протокольной формы досудебной подготовки материалов (цит. по: Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 75).

³¹ См.: Сумин А.А. Сокращённое дознание: мертворождённое дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8; Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8. С. 100–108.

систему принципов и основных начал уголовного судопроизводства?

Дознание в сокращённой форме характеризуют следующие особенности: краткость сроков расследования; особенности доказывания обстоятельств совершения преступления; основания и порядок вынесения процессуальных решений. В ч. 2 ст. 226¹ УПК РФ названы условия, при которых возможно производство дознания в сокращённой форме. Одним из них является признание подозреваемым своей вины, характера и размера причинённого преступлением вреда, а также согласие с правовой оценкой деяния, данной в постановлении о возбуждении уголовного дела. Таким образом, постановлению о возбуждении уголовного дела по существу придаётся значение процессуального акта, где формулируется обвинение, т.е. значение, которое этот акт ранее не имел и не должен иметь в системе процессуальных стадий.

Значение постановления о возбуждении уголовного дела обусловлено задачами данного этапа процессуальной деятельности по проверке сообщения о преступлении. Согласно позиции Конституционного Суда РФ возбуждением уголовного дела начинается осуществляться функция уголовного преследования³². Само решение о возбуждении уголовного дела указанием на признаки преступления фиксирует основание для уголовного преследования. Закон на данный момент не требует достоверного установления всех обстоятельств совершения преступления, потому что в противном случае нарушались бы интересы лиц, пострадавших от преступления, из-за длительных сроков, необходимых для всесторонней проверки информации с целью достоверного установления тех или иных фактов.

В основе решения о возбуждении уголовного дела лежит гипотетическое суждение (обоснованное предположение) об имевшем место преступлении. Формулировка основания данного решения в ч. 2 ст. 140 УПК РФ – наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, – не предполагает установления всех признаков состава преступления.

Однако согласно правилам процедуры сокращённого дознания постановление о возбуждении

уголовного дела уже должно содержать изложение всех обстоятельств совершённого преступления, дающих основание инкриминировать это преступление конкретному лицу (иными словами, должно быть установлено материально-правовое содержание обвинения). Но это возможно, если указанные в постановлении факты и обстоятельства действительно установлены, потому что вопрос о признании вины не может быть поставлен и адресован лицу обвинительной властью ранее, чем обвинительная власть, наделённая полномочием осуществлять уголовное преследование, достоверно установит обстоятельства деяния, которые она может вменить в вину этому лицу. Ранее ставить вопрос о признании вины означает склонять лицо к признанию вины без достаточных оснований, оказывать на него психологическое воздействие с целью получения желательных показаний. *Это противоречит этическим правилам доказывания, вытекающим из презумпции невиновности.*

Лишь достаточная совокупность доказательств даёт основание считать достоверно установленными обстоятельства совершения преступления и на этой основе формулировать обвинение, с чем и связывается в системе существующего порядка расследования появление фигуры обвиняемого.

Не следует на этапе проверки сообщения о преступлении ставить задачу получить достоверные сведения обо всех признаках состава преступления³³. Постановка такой задачи приводит к расширению способов и средств получения информации в стадии возбуждения уголовного дела прежде всего за счёт следственных действий, и очертить границы дозволенного будет достаточно сложно. Этот процесс в развитии правовой регламентации начального этапа уголовного судопроизводства наблюдается в настоящее время. Ещё полвека назад было отмечено, что следственные действия по сбору доказательств в первоначальной стадии уголовного процесса допускаются в исключительных случаях, их перечень должен быть ограничен. Расширение его «фактически ведёт к ликвидации стадии возбуждения уголовного дела»³⁴.

³² См.: постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» от 14 января 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³³ См. об этом: Масленникова Л.Н. Механизм принятия решений: причины и следствия его разрушения в стадии возбуждения уголовного дела // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Сб. науч. тр. М., 2011. С. 314–324.

³⁴ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие. М., 1965. С. 24.

Введение в законодательство и практику уголовного судопроизводства дознания в сокращённой форме существенно изменило правила проверки сообщения о преступлении. Уже можно вести речь о реформировании стадии возбуждения уголовного дела, а по существу, о её ликвидации, так как практически стирается граница между стадией возбуждения уголовного дела и стадией расследования. Согласно правовой регламентации дознания в сокращённой форме (в такой процедуре дознание может осуществляться по делам немногим более чем о 140 составах преступлений) установление всех обстоятельств совершённого преступления происходит главным образом до возбуждения уголовного дела.

Введение в процесс упрощённой процедуры дознания существенно изменило подходы к доказыванию в ходе досудебного производства. Порядок проверки сообщения о преступлении, как он установлен в ст. 144 УПК РФ, является *общим* независимо от того, в какой процедуре в дальнейшем будет проводиться расследование. И если ранее до возбуждения уголовного дела круг процессуальных действий по сбору доказательств был ограничен, то ныне практически все результаты действий по проверке сообщения о преступлении могут признаваться доказательствами.

В связи с этим актуальными становятся вопросы о задачах различных этапов процессуальной деятельности, о социальной ценности процессуальной формы, её роли в поэтапном решении задач уголовного судопроизводства; о балансе задач и соответствующих им средств и способов решения.

Вопрос о необходимости сохранения возбуждения уголовного дела как отдельной процессуальной стадии стал предметом непрекращающихся дискуссий в ходе реформ уголовно-процессуального законодательства³⁵. В советский период уголовно-процессуальной науки практически не подвергалось сомнению само существование этой стадии. Однако предметом дискуссий всегда был вопрос о допустимых способах собирания информации при проверке сообщения о преступлении, о допустимости следственных действий на этом этапе.

Поскольку публичная деятельность по уголовному преследованию неизбежно связана с возможностью применения принудительных мер, она не может быть начата безосновательно. Надо быть уверенным, что в первоначальной инфор-

мации речь идёт именно о факте преступления. Задачи стадии возбуждения уголовного дела ограничены разрешением вопроса о наличии материально-правовых и процессуальных оснований для проведения расследования. В связи с этим в одинаковой степени нерациональным будет сбор как избыточной, так и недостаточной информации. Её объём определяется конкретным случаем. Не должна исключаться ситуация, когда анализ информации в сообщении о преступлении даёт основание незамедлительно решить вопрос о возбуждении уголовного дела. “Для возбуждения уголовного дела вполне достаточно, если имеющиеся объективные данные свидетельствуют о самом *факте* (выделено мною. – Г.В.) преступления”³⁶.

Осторожность при определении круга возможных следственных действий при проверке сообщения о преступлении всегда мотивировалась необходимостью избегать безосновательного вторжения в сферу частной жизни граждан. Стадия возбуждения уголовного дела была по значению своего рода шлагбаумом, препятствующим активной деятельности должностных лиц по сбору доказательств в ситуации, когда ещё не совсем ясно, имело ли место преступное деяние. Закон разрешал производство лишь таких действий, промедление в производстве которых грозило невозможной утратой доказательств. Несмотря на непоследовательность пореформенного законодательства в этом вопросе, до изменений, внесённых в УПК РФ вышеупомянутым Федеральным законом от 4 марта 2013 г., в Кодексе была ясно выражена мысль, что, пока решение о возбуждении дела не принято, отсутствует и основание для полномочной процессуальной деятельности по сбору доказательств, поскольку этот процесс может быть связан с существенными ограничениями прав граждан.

В добавление к тому, что закон и прежде разрешал на этапе проверки сообщения о преступлении, теперь по любым делам можно получать образцы для сравнительного исследования и не только истребовать предметы и документы, что разрешено было и ранее, но также “изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в её производстве и получать заключение эксперта в разумный срок” (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Допускаются практически любые виды осмотра: предметов, документов, – с признанием его результатов доказательствами.

³⁵ Полемику по этому вопросу см.: Библиотека криминалиста. Науч. ж-л. 2014. № 1. С. 20–201.

³⁶ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 9.

В российском уголовном процессе исторически сложился взгляд на доказательства как на единство содержания и формы³⁷. Такой подход отражён и в законодательном определении понятия доказательства (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Соблюдение процедуры получения доказательства соответствующего вида – неременное условие для признания его допустимым. В указанной процедуре важная роль принадлежит правилам о правах участников следственных действий по сбору доказательств. Эти права должны строго соблюдаться, в противном случае результат следственных действий окажется ничтожным. Нельзя игнорировать и положения гл. 2 УПК РФ, в которой сформулированы принципы уголовного судопроизводства, в том числе и принцип “Охрана прав и свобод человека и гражданина” (ст. 11 УПК РФ). В соответствии с ним при производстве процессуальных действий должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, должны разъяснять участникам процесса их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Однако правовой статус лиц, чьи права и интересы затрагиваются действиями должностных лиц на этапе проверки сообщения о преступлении, не имеет чёткого обозначения. Соответственно, нельзя утверждать, что им гарантируется надлежащий уровень правовой защиты от возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Часть 1 ст. 144 УПК РФ разрешает при проверке сообщения о преступлении изымать предметы и документы в порядке, установленном настоящим Кодексом. Но порядок изъятия предметов и документов, определённый Кодексом, – производство в том числе и таких процессуальных действий, как обыск, выемка (ст. 182 и 183 УПК РФ). Это не означает, однако, что указанные действия могут производиться до возбуждения уголовного дела. Неоправданно расширение применения принуждения в уголовно-процессуальной деятельности, причём в ситуации, когда вопрос о наличии признаков преступления только выясняется. Неудачная законодательная формулировка ч. 1 ст. 144 УПК РФ даёт повод для неоднозначного толкования правовой нормы, что может приводить к злоупотреблениям.

Что касается производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, то здесь прослеживается отсутствие последовательности законодательного регулирования. В ч. 4 ст. 146 УПК РФ (в ред. от 18 декабря 2001 г.) предусматривалась возможность назначать экспертизу до возбуждения уголовного дела, а также проводить освидетельствование. Более поздние редакции соответствующих статей Кодекса исключили возможность производства экспертизы и освидетельствования до возбуждения уголовного дела³⁸. Затем законодатель вернул освидетельствование в стадию возбуждения уголовного дела, оговорив эту возможность случаями, не терпящими отлагательств (ч. 1 ст. 179 УПК в ред. от 2 декабря 2008 г.³⁹).

В настоящее время вопрос о производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела решён законодателем положительно (ч. 1 ст. 144, ч. 4 ст. 195 УПК РФ). Однако возникает ряд вопросов, на которые хотелось бы получить ответ. Как быть с правами заинтересованных лиц при назначении и производстве экспертизы (ст. 198 УПК РФ)? Реализация этих прав участниками процесса: подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, – составляющая прав указанных субъектов на участие в доказывании. Но проблема в том, что лица наделяются соответствующим процессуальным статусом после возбуждения уголовного дела. Логично было бы предположить, что данными правами должны обладать, скажем, потенциальные носители соответствующего статуса, иными словами – заинтересованные в экспертизе лица. Однако на этапе проверки сообщения о преступлении вряд ли можно точно очертить круг заинтересованных субъектов.

Дело в том, что право лица, в отношении которого ведётся уголовное преследование, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении экспертизы дополнительных вопросов эксперту связано с правом на защиту от уголовного преследования. Но лицо должно по крайней мере быть осведомлено о характере уголовного преследования: подозреваемый, обвиняемый вправе знать, в чём они подозреваются или обвиняются. Постановка дополнительных вопросов эксперту со стороны защиты направлена на выяснение об-

³⁷ См.: Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 113; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2010. С. 60.

³⁸ См.: Федеральный закон “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О Прокуратуре Российской Федерации” от 5 июня 2007 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

³⁹ См.: Федеральный закон “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” от 2 декабря 2008 г. // Там же.

стоятельств, которые могут быть предметом спора со стороной обвинения. Однако до возбуждения дела направление уголовного преследования ещё не определено, лиц с чётким процессуальным статусом нет, соответственно, вопрос о том, какие права разъяснять заинтересованным субъектам и какими правами заинтересованные лица могли бы воспользоваться, остаётся не ясным.

Разъяснение прав, предусмотренных ст. 198 и 46 УПК РФ, до возбуждения уголовного дела надлежит рассматривать как нарушение прав личности в уголовном процессе, поскольку данное действие не имеет правового основания. Закономерным при таком разъяснении будет вопрос лица: в чём меня подозревают? Какие для этого основания? По закону основание для подозрения лица формулируется в соответствующих процессуальных актах, и пока нет процессуального решения, в котором содержится указание на материально-правовое содержание подозрения (указание на конкретное преступление), то нет и правового основания для наделения субъекта соответствующим статусом.

Перечисленные в ст. 198 УПК РФ участники процесса могут воспользоваться соответствующими правами, когда их процессуальный статус будет определён на основании закона. Но если экспертиза уже была проведена в ходе проверки сообщения о преступлении, а её результаты легли в основу процессуальных решений об уголовном преследовании, то подозреваемый или обвиняемый были лишены предоставленных им законом прав.

Следует отметить, что Федеральный закон от 5 марта 2013 г., существенно изменив характер процессуальной стадии возбуждения уголовного дела, в целом оказывает негативное влияние на весь процесс доказывания в досудебных стадиях процесса. Практически любая информация, которая собирается до возбуждения уголовного дела, получает статус доказательств. Акцент сделан на содержание информации. Процедуры получения информации об обстоятельствах преступления, с которыми закон связывает требование допустимости доказательств, открыто не отвергаются. Закон, напротив, как бы подчёркивает значение процессуальной формы получения доказательств формулировкой: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 настоящего Кодекса» (ст. 144 УПК РФ). Проблема в том, что выполнить требования, с которыми закон связывает допустимость отдельных видов дока-

зательств, просто невозможно на этапе проверки сообщения о преступлении.

Но самое худшее в процедуре дознания в сокращённой форме – закон ориентирует на иные стандарты доказывания, чем предусмотрено в традиционных формах расследования. Согласно ч. 2 ст. 226⁵ УПК РФ дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств.

Лица, объяснения которых содержатся в материалах проверки, могут не допрашиваться после возбуждения уголовного дела. Равную доказательственную силу имеют объяснения лица, полученные вне допроса, и показания этого лица, данные на допросе, об обстоятельствах, на которые, к примеру, он не указал ранее, давая объяснения. При получении объяснений лицу могут разъясняться лишь конституционные права, в частности право не свидетельствовать против себя и близких родственников, право на получение квалифицированной юридической помощи. Однако процессуальные права и обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным статусом, не разъясняются ввиду отсутствия у лица этого статуса. Таким образом, отсутствует гарантия получения правдивых показаний в виде предупреждения об ответственности за отказ от дачи показаний и ответственности за дачу ложных показаний, потому что пока лицо не является свидетелем, такой обязанности оно не несёт. Здесь мы имеем, в сущности, отрицание процессуальной формы доказательств. Но требование допустимости доказательств связывается в немалой степени именно с формой – порядком получения и фиксации информации, которая признаётся доказательством согласно законодательной дефиниции ч. 1 ст. 74 УПК РФ⁴⁰.

При производстве дознания в сокращённой форме в «единый котёл сливается» информация, полученная вне процессуальной формы, и сведения, собранные по правилам, установленным для получения доказательств. И вся она может быть положена в обоснование предъявленного обвинения. Налицо не просто несогласованность разных норм закона, регламентирующих порядок сбора доказательств при производстве расследования в разных процессуальных формах, а *установление*

⁴⁰ Существуют разные подходы к понятию доказательств. Но законодательное определение понятия в ч. 1 ст. 74 УПК РФ указывает на неразрывное единство содержания и формы (см.: Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 113).

разных процессуальных режимов доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

В российской доктрине сформировалось отношение к признанию обвиняемым, подозреваемым своей вины, которое не освобождает органы уголовного преследования от обязанности доказывать вину лица независимо от его позиции по делу. Это – выстраданная практикой отечественного уголовного судопроизводства позиция. Формула презумпции невиновности, а также следствия из неё, перечисленные в ч. 2–4 ст. 14 УПК, ясно показывают, что только убедительность доводов обвинения, основой которых являются доказательства, может опровергнуть презумпцию невиновности. Кроме того, подозреваемый, обвиняемый может выбрать любую позицию, защищая свои интересы. Он не несёт ответственности за дачу ложных показаний, поэтому признание вины, с которым закон при производстве в форме сокращённого дознания связывает свёртывание процесса доказывания, не согласуется с системой уголовного судопроизводства, где расследование должно осуществляться в соответствии с правилами, вытекающими из презумпции невиновности.

В основе процедуры сокращённого дознания, как она регламентирована в УПК РФ, лежит согласно замыслу законодателя свободное волеизъявление подозреваемого по вопросу выбора такой процедуры. Данное правило призвано служить определённой гарантией защиты прав и интересов лица, подвергнутого уголовному преследованию.

Важное условие для выбора такой формы расследования согласно норме закона – “подозреваемый признаёт свою вину, характер и размер причинённого преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведённую в постановлении о возбуждении уголовного дела” (п. 2 ч. 2 ст. 226-1 УПК РФ). Предполагается, что после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица ему разъясняется право заявить такое ходатайство “до начала первого допроса” (ст. 226⁴ УПК РФ). Возникает вопрос: в какой форме дознаватель получает признание вины подозреваемого?

Постановление о возбуждении уголовного дела дознаватель обязан незамедлительно довести до сведения как заявителя, так и лица, в отношении которого оно возбуждено. Разъяснять право на заявление соответствующего ходатайства дознаватель обязан, если имеются указанные в законе условия, одним из которых является признание вины. Однако признание вины получает процессуальное оформление только в ходе допроса. Тем не менее, до начала первого допроса дознаватель

должен выяснить отношение подозреваемого к преступлению, совершение которого ему инкриминируется. Здесь непосредственно в законе заложена возможность для оказания психологического давления на подозреваемого, чтобы склонить его к признанию вины.

Было бы наивно полагать, что дознаватель не воспользуется шансом до первого допроса описать подозреваемому “преимущества” сокращённого дознания, которые к тому же не могут быть в полной мере понятны лицу, как не могут быть понятны неспециалисту вопросы, связанные с процессуальной природой доказывания. По смыслу закона, дознаватель обязан был бы также разъяснять подозреваемому, что вслед за сокращённым дознанием последует также процедура сокращённого судебного разбирательства, которая связана с ограничением возможности обжалования приговора (гл. 40 УПК РФ). А вот это законом не предусмотрено.

Подозреваемый при данной форме дознания с первого этапа производства по делу оказывается как бы заложником своего признания, которое было сначала заявлено при ознакомлении с постановлением о возбуждении уголовного дела, а потом в присутствии адвоката зафиксировано в протоколе допроса. Конечно, подозреваемый может отказаться от своих показаний, изменить их. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 75 УПК РФ присутствие защитника при допросе позволяет впоследствии при наличии противоречий в показаниях придавать именно признательным показаниям большее юридическое значение.

Если для сравнения обвиняемый при заявлении ходатайства о рассмотрении дела в суде по правилам упрощённой процедуры в соответствии с гл. 40 УПК РФ знаком с доказательствами обвинения и может вместе с защитником оценить перспективы спора со стороной обвинения, то при заявлении ходатайства о производстве дознания в сокращённой форме, признавая вину, подозреваемый не знаком с материалами проверки, которая проводилась до возбуждения уголовного дела. Закон не предусматривает ознакомления подозреваемого с материалами, собранными до возбуждения уголовного дела. Подозреваемый как бы “вслепую” соглашается на упрощённый порядок производства, не имея возможности оценить уже собранную информацию, изобличающую его в совершении преступления. Получается, что признательные показания – как бы недостающий кирпичик в доводах обвинения.

Обвинительное постановление, подводящее итог дознанию в сокращённой форме, согласно

ч. 1 ст. 226⁷ УПК РФ по содержанию не должно отличаться от обвинительного акта, которым заканчивается дознание в общем порядке. Оно также должно быть обоснованным и мотивированным. Это означает, что выводы обвинения об обстоятельствах совершения преступления вытекают из собранных доказательств, проверенных и получивших оценку как достоверные сведения. Однако по правилам доказывания для данной процедуры расследования дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим и его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ). Но они не могут быть оспорены, так как остаются в большинстве своём неизвестными, за немногим исключением, участникам процесса.

Примечательно положение о том, что дознаватель вправе не проводить никаких действий по установлению фактических обстоятельств преступления, если сведения о них содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении (п. 4 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ). Таким образом, вопреки общим правилам доказывания, согласно которым все доказательства должны быть проверены и получить оценку с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а в совокупности – достаточности для вывода об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу (ст.ст. 85, 87, 88 УПК РФ), выводы в обвинительном постановлении основываются также на

непроверенных сведениях, собранных в основном до возбуждения уголовного дела. В дальнейшем и суд не будет вникать в оценку доказательств, обосновывающих выводы обвинительной власти, поскольку за упрощённым дознанием следует упрощённая процедура судебного разбирательства.

Несоответствие новой процедуры общим правилам доказывания, принципам процесса несёт в себе разрушительную тенденцию для стадии расследования в целом и в конечном счёте для всей системы действующего порядка уголовного судопроизводства.

Правила доказывания, которые определяют характер деятельности органов уголовного преследования, в своей основе имеют конституционный принцип презумпции невиновности. Поэтому они должны быть общими на этапе досудебного производства. Иначе угроза бездоказательных обвинений и, как следствие, необоснованных приговоров станет реальностью правоприменительной практики, потому что в практике расследования неизбежно влияние правил доказывания, относящихся к процедуре сокращённого дознания, на доказывание при производстве дознания в общем порядке.

Упрощённые процедуры имеют тенденцию к расширению в практической деятельности, даже если замысел законодателя при введении новых процедур был иным.